

# Мария Казарес на сцене

Если, придя на изящную комедию Мариво «Торжество любви», вы не видели накануне «Марию Тюдор», то, пожалуй, не поверите, что актриса, с таким блеском увлекающая вас тонкой интригой принцессы Леониды, только вчера потрясала сердца трагедией обманутой королевы.

Как, неужели это грациозное существо в мужском платье, изысканно и задорно плетущее кружева галантного любовного приключения, воплощено той же художницей, которая так свободно и так величественно раскрыла титанические страсти смятенной женской души?

Но, право же, не только имя Марии Казарес, четко напечатанное в программах двух спектаклей, убеждает в том, что одна и та же актриса создала образ очаровательной пикарельницы счастья, как бы покинувшей для сцены золоченую рамку старинной гравюры, и могучий образ английской королевы, раздираемой противоречием между силой королевской власти и невозможностью победить собственную душевную слабость.

Как это ни парадоксально, но за двумя такими несхожими сценическими портретами можно разглядеть единый творческий почерк актрисы, во всем безукоризненно верной литературному стилю своих ролей, но в каждой из них отыскивающей человека с его внутренним миром, правдой чувств и психологической тонкостью. Именно это общечеловеческое начало, кажется мне, помогает Марии Казарес так легко преодолевать пространство между зрительным залом и строго обрамленной черным бархатом сценической площадкой, оставляющей актера наедине со своим зрителем.

Мария Казарес пользуется предоставленной ей свободой с такой захватывающей полнотой жизни, с такой огромной внутренней силой, с такой неожиданной и всякий раз кажущейся единственно необходимой смелостью психологических пе-



реходов, что чем больше вглядываешься в исполнение актрисы, тем больше видишь еще не тронутые пласты ее огромного таланта.

Может быть, поэтому, восхищаясь в комедии Мариво неисчерпаемым богатством интонаций, удивительной музыкальностью пластического рисунка, обаянием ума, просвечивающего сквозь ажурный узор комедийных хитросплетений, заразительно смеешься над тем, как ловко проводит переодетая принцесса своих нечаянных противников, встающих на пути к торжеству любви. И вместе с тем невольно думаешь о том, что актрисе тесно в этом надушенном и чуть-чуть жеманном мире насмешливых амуров, изысканных беседок, лукавых обманов и элегантных чувств.

Как далек от этого мира могучий ураган страстей Мария Тюдор — Тюдор Гюго и Казарес, открытой нам замечательной актрисой.

Львицей в засаде называет Гюго героиню своей драмы. Да, львицу, но львицу, смертельно раненную любовью, увидели мы на сцене. И, пожалуй, не тогда, когда в соответствующем месте спектакля искусство режиссера и осветителя, согласно авторской ремарке, показало в прорези чер-

ного занавеса увеличенный силуэт мучимой королевы. Львицу узнали мы в неистовой ярости гнева, в царственной привычке поведовать, и больше всего в душе, истерзанной мучой обманутого чувства.

Можно ли передать словами силу потрясения, испытанного в сцене, когда Мария сулит в дар палачу голову своего возлюбленного? Воля, готовая уступить жалости, и сострадание, побеждающее долг, вступают в поединок. Нежность последнего свидания борется с торжественным законным возмездием. Неутоленная боль насильственного прощания и неумолимость приговора слышатся одновременно в словах королевы, отдающей Фабна во власть палача.

А финал спектакля?

Один за другим раздаются за сценой тяжелые удары колокола, возвещающие о казни. Раз, другой, третий. Вздрагивает распростертая на коленях Мария. И с каждым ударом, буквально на наших глазах, непостижимо и явственно стареет королева, предчувствующая неотвратимость утраты.

Что это? Сценический эффект? Но нет, ни в коем случае, потому что никакие дополнительные средства современного театра не понадобились для его осуществления. Чудо? Да, может быть, если чудом можно назвать искусство, способное силой человеческих чувств заставить две тысячи людей, сидящих в зале, пережить, как свою собственную, трагедию женщины, обманутой, преданной и, вопреки собственной воле, предавшей свою большую любовь.

Умное и неисчерпаемое щедрое творчество Казарес, каким мы узнали его только по двум сценическим образам, глубоко человеечно. Оно захватывает своей силой, своей заразительностью, могучей правдой.

Р. БЕНЬЯШ

□

На снимке: Мария Казарес и артист Роже Мольен в спектакле «Мария Тюдор».